

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
февраль 1981 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

ТОЛСТОВСТВО НАКАДЗАТО КАЙДЗАН

Известно, что через увлечение Толстым прошли выдающиеся японские писатели нового времени – Токутоми Рока, Мусьякодзи Санэацу, Арисима Такэо, Симадзаки Тосон.¹ На первом этапе знакомства с Толстым преобладало воздействие не художественных, а религиозно-нравственных его сочинений. Среди прочих обстоятельств этому способствовало то, что первым очагом изучения русской литературы явилась Духовная семинария при православной миссии в Токио. В 80-90-е годы прошлого века там были переведены "Краткое Евангелие", "Чем люди живы", "Много ли человеку земли надо" и др. "христианские" произведения.

В девятисотные годы, когда в Японии укреплялся империализм, когда она вставала на курс милитаристской экспансии, японская интеллигенция переживала духовный кризис. В толстовстве она увидела спасительный выход. Идеи пацифизма, самосовершенствования, святого труда на земле казались в ту пору противоядием против всех зол.

Среди увлеченных толстовцев был Накадзато Кайдзан (1885-1944) – поэт и прозаик, чье творчество пока не исследовалось в нашем японоведении. Кайдзан² появился в печати в годы русско-японской войны. Его стихи публиковались в периодических изданиях: "Хэймин симбун", "Тёкутэн", "Кабэн". Именно в газете "Хэймин симбун" был переведен и напечатан трактат Толстого "Одумайтесь", где страстно говорилось о том, что народам России и Японии нет резона поливать своей кровью поля Маньчжурии.³

Вскоре поэт Исикава Такубоку написал эпитафию на гибель адмирала Макарова в гавани Порт-Артура,⁴ а Накадзато Кайдзан сложил стихи в честь художника Верещагина, также погибшего в Порт-Артуре на крейсере "Петропавловск".

В другом стихотворении Кайдзан выразил чувства простого японского крестьянина, мобилизованного на фронт.

Прощай возделанное поле, где столько слез и пота лил.
 Прощай, река, где я мотыгу после трудов тяжелых мыл.
 Кричать "бандзай" мне вслед не надо, не провожайте, земляки.
 Ведь кличи лишь тревожат горы, лишь баламутят гладь реки.
 За родину, за государя уйду на бой – возврата нет.
 Тому, кого на смерть увозят, нелепо ведь желать "сто лет!"⁵

В 1906 г. под впечатлением толстовского "Ивана-дурака" (в переводе Утида Роан) Кайдзан заявил: "До сих пор я легко соблазнялся

всяческими "измами". Больше не обманываюсь. Отныне я не верю проповедям тех, у кого на руках нет мозолей, я их не слушаю."⁶ Прочитав все, что к тому времени было переведено, Кайдзан уверовал в "русского старца" как в бога. Наибольшее восхищение вызвала "Исповедь" и "В чем моя вера?" (1884 г.), последнее произведение он называл "Лотосовой сутрой" Толстого.

Л. Толстого до "Исповеди" Кайдзан считал "равным Данте, Шекспиру, Гюго", после же - ставил "рядом с Христом, Сакьямуни и Магометом".⁷

Главным делом жизни Кайдзана явился чрезвычайно пространный историко-приключенческий роман о самураях "Перевал Большого бодхисаттвы" (Дайбосацу тогэ). Первые части этой прозаической эпопеи начали печататься в 1913 г., последние публиковались в 1941 г. Роман получил широкое признание читателей, был экранизирован (под названием "Рюноске"), инсценировался, переведен на английский язык.

Сам автор определял жанр "Перевала" как "дайдзэ сёсэцу", т.е. роман в духе Махаяны - одной из двух главных ветвей буддизма. Заглавие "Перевал Большого бодхисаттвы" дано по реально существующему географическому названию,⁸ кроме того, оно понимается и в переносном смысле. Речь идет о промежуточном состоянии, этапе между "миром людей" и идеальным "миром Будды", человек проходит через этот "перевал" на пути к совершенству. Самурай Рюноске и другие персонажи отягощены предрассудками и страстями; фигурируют такие понятия как духовный мрак (мумё), воздаяние за грехи (инга), вечное переселение душ (риннэ). Постепенно из темного мира страстей герои выходят к свету религии и гуманизма. Кайдзан показывает их очищение, приближение к состоянию бодхисаттвы.

Наряду с буддизмом критики усматривают в романе влияние Толстого, в особенности его идеи самосовершенствования.⁹

Толстовство Кайдзана проявилось и в повести "Цветы во льду (Кори-но хана, 1909-10 гг.). Сюжет традиционен, с этой точки зрения повесть больше похожа на произведение XIX, нежели XX века. Действие разворачивается в годы Тэмпо (30-40-е гг. XIX в.), известные в истории как голодные и смутные. У богатого рисоторговца Сандзэмо-на служит сирота - приказчик Токити. Мужественный юноша хорошо владеет мечом, похоже, что он происходил из самураев. Токити любил хозяйскую дочь - красавицу О-Тё, но, зная крутой нрав хозяина, не мог надеяться на женитьбу. Помогло несчастье. В городе случился голодный бунт, толпа разгромила лавку и подожгла рисовые склады. Девушку похитили злоумышленники. Токити сумел отыскать О-Тё и выволочь из всех бед. Его самоотверженная преданность смягчила жесто-

косердного отца, он согласился на соединение влюбленных.

Внутреннее преобразование богача Сандзаэмона простирается так далеко, что он прислушивается к проповеди Ниномия Сонтoku¹⁰ и раздает все свое состояние беднякам. "Благодаря человеческим чувствам в толще льда, померзшей на тысячу сяку,¹¹ расцвели цветы" - заключает Кайдзан.

Любовь, таким образом, превозмогает все зло в этом мире.

Цветы расцвели во льду благодаря тому, что "любовь" соответствовала "нравственности". В повествование введено имя Ниномия Сонтoku, которого называли "японским Толстым". Еще в начале XIX в. он учил: праздная жизнь аморальна, призывал отказаться от богатства и роскоши, называл крестьянина главной опорой государства.

Знаменательны в повести слова разбойника: "Украл каштан - ты наказан, украл страну - стал князь. Тоётоми украл государство у Ода, Токугава - у Тоётоми.¹² Торговец извлекает прибыль из голода, помещик выжимает подати, притесняя слабых. Лишь простой бедный люд, терзаемый грабителями, ничего не крадет в этом мире".¹³

В "Рассказе крестьянина Юноскаэ" (Хякусё Юноскаэ-но ханаси, 1911) Кайдзан вспоминает обличителя феодального абсолютизма Андо Сёэки (1700-1763), который излагал свои взгляды в трактатах на религиозные темы. Идеалом Андо Сёэки также был крестьянин, возделывающий рис; тому, кто не работает, он отказывал в праве на существование.

Так, в очень национальном преломлении, в воспоминаниях об отечественных мыслителях, которые издавна осуждали эксплуататоров чужого труда и утверждали святость крестьянской жизни, предстают у Накадзато Кайдзана идеи вдохновлявшего его Л.Толстого.

-
1. Н.И.Конрад, Толстой в Японии. В кн. Японская литература. М., Наука, 1974, с.461-475.
 2. Кайдзан - псевдоним писателя, его личное имя было Юноскаэ.
 3. Впервые опубликован по условиям цензуры в Лондоне (1904 г.). В России увидел свет лишь в 1906 г., в изд. "Обновление".
 4. Друзья и недруги, отбросьте прочь мечи,
Не наносите яростных ударов,
Замрите со склоненной головой
При звуках имени его: Макаров!
(сб. Японская поэзия. М., ГИХЛ, 1954, с.234, перевод с японского В.Н. Марковой).
 5. См. Таракида Родзан, Накадзато Кайдзан дэн. (Жизнь Накадзато Кайдзана), Токио, Ёмиури симбунся, 1972, с.83.

6. Цит. по Мацумото Канъити, Накадзато Кайдзан. Токио, Асахи симбунся, 1978, с.120.
7. Цит. по Таракида Рюдзэн, с.235.
8. Горный перевал Дайбосацу находится к западу от Токио на старинном тракте Эдо - Кофу.
9. См. Таракида Рюдзэн, с.241.
10. Нинюмия Сонтoku (1787-1856) - мыслитель позднего средневековья, известный также по прозвищу Хотoku-сэнсэй. Проповедывал обязательный для всех труд, искренность помислов. Пользовался большим моральным влиянием в эпоху Бакумацу - накануне незавершенной буржуазной революции 1868 г.
11. Сяку - мера длины, равная 30,3 см.
12. Перечисляются имена феодальных правителей, сменявших один другого в результате междоусобной борьбы.
13. Цит. по Мацумото Канъити, с.131.

И. В. Кульганек

О ПЕРЕДАЧЕ АЛЛИТЕРАЦИИ МОНГОЛЬСКОГО СТИХА В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

Аллитерация выступает в подавляющем большинстве монгольских стихов как доминирующее средство метрической организации стиха. Это признается всеми монголоведами, хотя целиком проблема о характере монгольского стихосложения окончательно не решена.¹

Монгольская аллитерация анафористическая, она часто не ограничивается зрительным и слуховым сходством начальных согласных звуков, а охватывает гласный звук, как самый главный в слого, поскольку он несет большую часть смысловой нагрузки слова. Как указывал В. М. Хирмунский: "Начальный слог в тюркских языках всегда корневой, является прочным структурно-семантическим ядром слова."² Это правомерно и для монгольской группы языков.

В монгольском стихе существует несколько видов аллитерации: полная, охватывающая весь слог:

Хадтай Тоомы нь мартав чиг

Хайрын зангийн нь мартахгүй,

неполная, когда совпадает лишь один звук, гласный или согласный:

Уянгаа яруу эшигтэй

Уртынхаа сайхан друг,

и довольно редкая - внутренняя или межстиховая аллитерация: